

УДК 811.161.1

В. М. Грязнова

СПЕЦИФИКА СЛОВООБРАЗОВАНИЯ МЕСТОИМЕННОЙ ЛЕКСИКИ В ГОВОРЕ СТАРООБРЯДЦЕВ КАЗАКОВ-НЕКРАСОВЦЕВ СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ

В статье рассматривается специфика словообразования местоименной лексики русского говора старообрядцев казаков-некрасовцев Ставропольского края, которые после нескольких веков вынужденной эмиграции вернулись в 1962 году в Россию и поселились в поселках Левокумского района Ставропольского края. Объект изучения – местоименные слова, в состав которых автор, наряду с классическими местоимениями, включает местоименные наречия, сходные по своему значению и функциям с традиционными местоимениями. Предмет исследования – словообразовательные характеристики местоименных слов говора казаков-некрасовцев. Материал изучения – записи речи носителей говора старообрядцев казаков-некрасовцев, проживающих в Левокумском районе Ставропольского края, сделанные автором во время полевых экспедиций. В ходе анализа материала выявляется реализация в говоре казаков-некрасовцев таких тенденций развития словообразовательной системы общенационального русского языка, которые не поддерживаются характерными для литературного языка сознательными установками на нормализацию. В статье на материале местоименной лексики говора казаков-некрасовцев опи-

сываются факты нарушения неглобальных запретов в области норм словообразования, а также случаи использования ресурсов общенационального русского языка. Автор выявляет местоименные лексемы, отсутствующие в русском литературном языке: это десять новых словообразовательно мотивированных местоименных наречий и одиннадцать новых мотивированных указательных местоимений – и описывает модели словообразования местоименной лексики, не существующие в русском литературном языке и свойственные только говору старообрядцев казаков-некрасовцев Ставропольского края. К ним относятся префиксальные, префиксально-суффиксальные, префиксально-постфиксальные, постфиксальные модели, словообразовательная игра, модели чистого сложения. В статье акцентируется, что все названные словообразовательные модели не описаны в таком фундаментальном труде, как Русская грамматика-80, в котором даже нет раздела, посвященного словообразованию местоимений.

Ключевые слова: говор, казаки-некрасовцы, местоимение, словообразование.

Violetta Gryaznova

THE SPECIFICS OF WORD-FORMATION PRONOMINAL VOCABULARY IN THE DIALECT OF OLD BELIEVERS NEKRASOV COSSACKS IN STAVROPOL KRAI

The article deals with the specifics of the word formation of pronominal vocabulary of the Russian dialect of old believers Cossacks-Nekrasov in Stavropol Krai, which, after several centuries of exile, returned in 1962 to Russia and settled in the villages of Levokumsky district, the Stavropol territory. The object of the study is pronominal words, in which the author, along with classical pronouns, includes pronominal adverbs that are similar in meaning and function to traditional pronouns. The subject of the study is the word-formation characteristics of pronominal words of the Cossacks-Nekrasov dialect. The material of the study is recordings of the speech of speakers of the old believers' dialect of the Cossacks-Nekrasov, living in the Levokumsky district of the Stavropol territory, made by the author during field expeditions. The analysis of the material reveals the implementation of such tendencies in the speech of the Cossacks-Nekrasov in the development of the word-formation system of the national Russian language, which are not supported by the conscious attitudes to normalization characteristic of the literary language. The

article uses the material of the pronominal vocabulary of the Cossacks-Nekrasov dialect to describe the facts of violation of non-global prohibitions in the field of word formation norms, as well as cases of using the resources of the national Russian language. The author identifies pronominal lexemes that are absent in the Russian literary language: ten new word-formatively motivated pronominal adverbs and eleven new motivated demonstrative pronouns, the author also describes models of word-formation of pronominal vocabulary that do not exist in the Russian literary language and are peculiar only to the speech of the old believers of the Cossacks-Nekrasov of the Stavropol territory. These include prefixal, prefixal-suffixal, prefixal-postfixal, postfixal models, word-formation game, and pure addition models. The article emphasizes that all these word-forming models are not described in such a fundamental work as Russian grammar-80, which does not even have a section dedicated to the word-formation of pronouns.

Key words: dialect, Cossacks-Nekrasov, pronoun, word formation.

Объектом данной работы является макрокласс «Местоименные слова», входящий в лексику казаков-некрасовцев Ставропольского края, которые после более чем трехсотлетнего проживания в Турции вернулись в 1962 г. в Россию и поселились в поселках Ставропольского края. Наряду с традиционно выделяемыми местоимениями, мы включили в него «полуместоименные слова», которые по своему значению, функциям, семантике к классическим местоимениям. В работе проводится сопоставление словообразовательной системы говора казаков-некрасовцев Ставропольского края со словообразовательной системой литературного языка в силу того, что описываемый говор относится к островным, сложившимся в изоляции от общенационального русского языка. Сопоставление с другими русскими говорами также не проводится.

В целом состав макрокласса «Местоименные слова» по своему происхождению представляет собой лексику, либо усвоенную из древнерусского и великорусского языка, либо лексику собственно говора. Непроизводные местоимения преобладают в силу того, что данный макрокласс относится к древнейшей лексике, усвоенной русским языком из языков-предков. Заимствованная местоименная лексика отсутствует.

Большинство местоименных слов говора казаков-некрасовцев и форм этих местоименных слов являются вариантами соответствующих слов общенационального языка.

В то же время в составе макрокласса «Местоименные слова» находим местоименные лексемы, отсутствующие в русском литературном языке: 1) это 10 словообразовательно мотивированных местоименных наречий: туды-сюды, окады, о-куды-о, о-как-о, утак, утам, щяво-нищяво, 2) это 11 новых указательных местоимений: ун-той-та-та, утой-та, утая-та, той-та, тая-то, те-те, теи-те, та-я-ента, утетот, утета, отета.

Предметом работы является словообразовательная система говора в рамках местоименной лексики.

1. Местоименные наречия

1.1. Местоименные префиксальные модели.

Модель префикс о- + местоименное наречие с относительным значением «временной отнесенности к обстоятельному признаку, выраженному мотивирующим словом» от местоименного наречия говора када (аллофон общенациональной лексемы когда): окады – ‘после, потом, спустя некоторое время, после, позднее’ (Я вышла замуш второва июня, акады, ф сентябре, мы сюды пришли. – Пастафь туды, о-кады пабаню). В связи с тем, что говор казаков-некрасовцев исторически восходит к донскому говору, уместно отметить, что в Большом толковом словаре донского качества лексема окады не отмечена [1].

Модель префикс у- + местоименное наречие с модификационным значением уточнения способа действия, осложненного значением определенности, от местоименного наречия общенационального языка так: утак – ‘именно таким образом,

именно так’ (Внучки гаварять: «Бабушка, нет, там утак нада, там утак нада». – Вот начинаю ету скаску, а Дашулька, ана паказываить пальцы, што, бабушка, нитак, ф книшки утак написана).

Модель префикс у- + местоименное наречие с модификационным значением уточнения места, осложненного значением определенности, от местоименного наречия общенационального языка там: утам – ‘вот там, именно там’ (Да, помню, утам брала).

Очевидно, этимологически приставка у- является фонетическим вариантом приставки ун-, которая, в свою очередь, восходит к указательному местоимению он. В синхроническом аспекте мы рассматриваем данный фрагмент местоимений утам, утак как диалектную приставку.

Названный вид префиксального способа образования местоименных наречий (префикс о- в сочетании с местоименной мотивирующей базой), по данным Русской грамматики-80 (РГ-80), не встречается в словообразовательной системе национального русского языка, является характерным только для изучаемого говора.

1.2. Местоименные префиксально-суффиксальные модели. Модель префикс о- + местоименное наречие + суффикс -о- с модификационным значением «усиления признака пространства, названного мотивирующим словом, осложненным значением определенности», от местоименного наречия говора куды (аллофон общенациональной лесе́мы куда): о-куды-о – ‘вот сюда, именно сюда’ (Вот касищкы, видитя, касищкы мы, женщины, втыкали о-куды-о, вот сюда. – Стой, ни наступай о-куды-о. – Вострав был и песок. Мы дашли туды, зацинули рыбалить. Я ей сказала: «Я буду тут, а ты иди о-куды-о).

Модель префикс о- + местоименное наречие + суффикс -о- с модификационным значением «усиления признака способа действия, названного мотивирующим словом, осложненным значением определенности», от местоименного наречия общенационального языка как: о-как-о – ‘именно таким образом, таким образом, вот так’ (Девачка пакрывалась о-как-о сверху, а ета уже па-бапски пакрытая называли. – Лотачка малинькая, о-как-о свидённая. – Сазанщика, самёнащка, щучёнака в мяшочик складём, камышом-мамышом о-как-о закроим, дамой идём).

Модель префикс о- + местоименное наречие + суффикс -о- с модификационным значением «усиления признака способа действия, названного мотивирующим словом, осложненным значением определенности», от местоименного наречия говора тако (аллофон общенациональной лесе́мы так): о-тако-о – ‘вот так, именно таким способом’ (У наз домики статья о-тако-о, ежли пажар, то ни уталиш. — А ани фпиряди живуть, а мы-та пазади о-тако-о, дома щитыри праходить, да мы живём).

Названный вид префиксально-суффиксального способа образования местоименных наречий и вообще наречий (префикс о- в сочетании с суффиксом -о-) не встречается в словообразова-

тельной системе национального русского языка, является специфическим, свойственным только говору казаков-некрасовцев.

1.3. Местоименные модели чистого сложения. Модель указательное местоимение + другое указательное местоимение (без соединительной гласной) с соединительным значением: туды-сюды – 'о неопределённом не очень большом отрезке времени'. Необходимо отметить, что соединение двух указательных местоимений противоположной степени удаленности привело к формированию указательно-неопределенного значения, в котором степень удаленности является не актуальной. В Большом толковом словаре донского качества данная лексема не отмечена [1].

Примеры таковы: Мы пайдем, афщики паставим и купаимси, туды-сюды и начала чайка садидца, значить, пашла рыба, идёш и иё падбираиш. – Сахар варицца пашти час, пышачки пикёш аддельна в рускай пещки, туды-сюды и их ламаиш, сироп на стол ставиш. В литературном языке местоименное наречие туда-сюда употребляется в значении «в ту и в другую сторону, в разные стороны» [3, р. 804]. В таком значении оно бытует и в речи казаков-некрасовцев Ставропольского края: Да ни даляко, вот хати, а ф паля напрямы идём, туды-сюды, па ету и ту сторону.

Местоименное наречие туда-сюда в значении 'о неопределённом не очень большом отрезке времени' в общелитературном русском языке не отмечено. Очевидно, оно возникло в результате такого метонимического переноса, как: 'признак признака пространственного характера – признак признака временного характера'. Названный метонимический перенос в целом свойствен семантической системе говора. Так, наречия говора с корнем перёд (наперёж, сперёд, наперёд, вперёж) демонстрируют амбивалентное восприятие времени некрасовцами:

1) временные значения подобных наречий: Фпиреди («раньше, сначала») в адной компати жыли фсей симей: радитили, мы з жаною, брат, бабушка, тут жа примус был, тесна, но рай. – Бабушка расказывала, што перва («раньше, сначала») сяло было очинь бальшая, ат маста дъ маста. – Два сяла в Расию напирёш (раньше, сначала) нас ушли. – Спирёт («раньше, сначала») атец Трифан был, апирацию иму зделали, и вон умир, и атца пъстанавили люди. Преди («прежде») мужьки нашы рыбалили да шысти месицаф, хазяин и деньги платил, и рыбу давал;

2) пространственные значения подобных наречий: Мы пашли с ней на азира ети рыбалить, идём круга, озир ни наш, хазяйский, она фпирёт («в переднюю сторону»), я за ней. – Брат идёть напирёд («в переднюю сторону»), а я ззади, вон топнить, я праваливаюсь в грязя) – Лиш один карабличик напирёш («в переднюю сторону») бягить. – Кукошник застябаицца спиряда («на передней стороне»).

Е. Е. Левкивская так пишет об этом семантическом переносе: «Пространство не отделено от времени, образуя с ним единый хронотоп,

в рамках которого фиксируются и осмысливаются события» [5, р. 305]. Уместно также отметить, что в Сл. Даля наречие вперед имеет два значения: пространственное и временное: вперед 'наречие местности и времени: движение в переднюю сторону, где почитается перед //наперед, прежде' // напредки, в будущее время, после, впрядки» [3, р. 622].

Кроме того, значения названных наречий также демонстрируют архаическое восприятие времени казаками-некрасовцами – из настоящего в прошлое, когда прошлые события всегда впереди. Для нас стрела времени направлена из настоящего в будущее, поэтому прошлые события сзади.

Способ сложения не характерен для словообразования местоимений литературного русского языка, является специфическим, характерным именно для изучаемого говора.

1.4. Местоименные модели, относящиеся к словообразовательной игре. Историки старообрядчества полагают, что «не менее важной чертой характера старообрядцев было свободолобие» [6, р. 85]. Полагаем, что одним из проявлений свободолобия старообрядцев является креативность языкового сознания носителей говора казаков-некрасовцев, которая ярче всего выражается в языковой игре, свойственной их речи. Языковую игру определяют как эстетически заданное свободное отношение к форме речи, с установкой на шуточные номинации, новизну формы. Языковая игра характерна для непринужденного общения. В речи некрасовцев она проявляется в словах типа тряпки-мряпки – «одежда», куфни-муфни, камыш-мамыш, крёсная-мрёсная – «родственники по крещению», десятёрка-пятёрка – «небольшое количество денег».

Приведем примеры из речи носителей говора: А в Ражаство хадили, славили, Христа славили, давали им деньги-шменьги. – Ну он там мне спирту-мирту на виноделии дал, сумашку ета. – Рыбу в мишочик складём, камышом-мамышом закроем, он жа, возир-та, ни наш, хазяйский. – Пакупали фсё, што твая душыцца хочить: тряпки-мряпки, брусветы. – Все равно стол накрывали, стол накроють, приготують, пославють, садитися победайте, садитися покушайте, а как пославили, дала там десятёрку-пятёрку, и они спасибо, спаси Христос и накаишься сполна. – А на земле еще само-собой цветы сажали: коксы-моксы, чернобривочки, шапки, хризантемы, все цветы были.

Таких слов в говоре некрасовцев немало. Это мотивированные лексемы класса «Органический мир» (подклассы «Человек», «Трудовая деятельность», «Быт»). Анализ показывает, что второе слово, слово-эхо, начинается чаще всего со звука [м], но встречаются также начальные звуки [п], [ш], [б], [к]. Исследователи языковой игры считают, что прием рифмованного эха свойствен тем носителям русского языка, которые соседствуют с тюркским населением [4, р. 193]. Казаки-некрасовцы Ставропольского края в течение нескольких веков жили в окружении тюркоговорящего

турецкого населения. Чаще всего названные эхо-конструкции обладают собирательным или родовым значением. В то же время встречаются номинации, относящиеся к модели «словообразовательное эхо», не имеющие собирательного или родового значения и выполняющие только эстетическую функцию острословия: зилёный-милёный (о незрелых овощах, ягодах, фруктах), малчок-шалчок (о молчаливом человеке), кабурга-бургга (о морской раковине), скандалишка-мандалишка случилась, спирту-мирту подарить, деньги получили без ращёту-палущёту.

Явление словообразовательной игры характерно и для местоименных наречий говора казаков-некрасовцев. Модель, основанная на повторении первого слова (местоимения) с добавлением новых звуков в его начале – щаво-нищаво (чего-ничего) с модификационным значением собирательности, конкретизированным в частном значении ‘незначительное и неопределенное количество разных предметов’: Хазяин платил рыббай, парами: полушали щаво-нищаво. – Хадили славили Христа, давали им там щаво-нищаво, деньги-шменги. – Рыбалили да Паски, а полушали щаво-нищаво! Токи задатки аддать.

В Большом толковом словаре донского качества лексема щаво-нищаво не отмечена [1].

2. Указательные местоимения

В составе местоимений говора есть указательные местоимения, отсутствующие в литературном языке: а) новые указательные местоимения, в значении которых усилена степень удаленности: ун-той-та-та, утой-та, утая-та в значении ‘вон тот’; б) новые указательные местоимения, в значении которых семантический компонент «удаленность» совмещается с семантическим компонентом «определенность»: той-та, тая-то, те-те, теи-те, тая-ента в значении ‘именно тот’; в) новое указательное местоимение, в значении которого степень приближенности совмещается с семантическим компонентом «определенность»: утетот, утета, отета в значении ‘именно этот, эта’.

2.1. Местоименные префиксально-постфиксальные модели. Модель префикс ун- + местоимение + постфикс -то-то с модификационным значением «усиления указательного признака, названного мотивирующим словом»: унтой-та, унта-та – ‘вон тот, вон та’ от указательного местоимения говора той, унаследованного из древнерусского языка (Унтой-ть-ть домик, иде малый сараишка, там-ть у нас куханька была. – В ун-той-ть-ть бальницы, в Ливокумки, я ляжала, ноги балели). Этимологически приставка ун-, очевидно, является фонетическим вариантом местоимения он. В синхроническом аспекте мы рассматриваем данный фрагмент местоимений унтой-то, унта-та как диалектную приставку.

Модель префикс у- + местоимение + постфикс -то с модификационным значением «усиления признака указания, названного мотивирующим словом»: утой-та, утая-та – ‘вон тот, вон та’ от указательных местоимений говора той, тая, унаследованных из древнерусского языка (Утой-та

чилиаек пашол, ета йиво зять. – Утаю-та женшину пьтрусити, у ниё деньги есть. – Сарай, лапас, паветка была, када с улицы заходиш, там дом састроенай, заходиш – рагошки пьрастелины, святки были в тиньке, двор мазали, а утой-та домик – ета куханька была. – Или парень заметил тебе, и тада уже гаварять: «Утая-та дефка – иво нивеста»).

Этимологически приставка у-, очевидно, является фонетическим вариантом приставки ун-, которая, в свою очередь, восходит к местоимению он. В синхроническом аспекте мы рассматриваем данный фрагмент местоимений утой-то, утая-та как диалектную приставку.

Названный префиксально-постфиксальный способ и конкретный его вид не характерен для словообразования местоимений общенационального языка, как для языков-предков русского языка, так и для современного русского языка.

2.2. Местоименные постфиксальные модели. Модель местоимение + постфикс -то с модификационным значением «усиления признака удаленности», названного мотивирующим словом, с одновременным усложнением этого признака компонентом «определенность» от указательных местоимений говора той, тая, те, теи, унаследованных из древнерусского языка: той-то, тая-то, те-те, теи-те – ‘тот самый, именно тот, не какой-нибудь другой’ (Вон пришел той-та хлопчик, а там няма никаво. – Ани же те-ти прияжжали две женщины с американскава фонту. – Ани теи-та прапали на Мади, какии ушли. – Если примерна зять пришел, тёща яишницу жарила, тада паложить той-ту жылезнаю лошку, а пьстаяна диривянаи ложычки были).

Названный постфиксальный способ и конкретный его вид встречается в системе словообразования местоимений общенационального языка, хотя в Русской грамматике-80 не отмечен. В Объяснительном словаре русского языка [2, р. 341] зафиксировано местоимение такой-то – ‘указ.-неопред. местоимение, вполне определенный, однако не называемый’, образованное по названному виду постфиксального способа.

2.3. Местоименные модели чистого сложения. Модель указательное местоимение + другое указательное местоимение (без соединительной гласной) с соединительным значением: тая-ента – ‘именно та, именно такая, соответствующая чему-н., не другая’ (Куюшку жгём, палим таю-енту куюшку. – У нас была диривянная шалба, изделаная, плитёная, паели, памыли и павесили иё, таю-енту шалбу, ана висить. – Папробуй у мене курица прьпадёт, пайду скажу стороажу: «У мене тая-ента курица прапала». Вон пайдеть и найдеть таю-енту курицу).

Необходимо отметить, что соединение двух указательных местоимений противоположной степени удаленности привело к формированию указательно-определенного значения, в котором степень удаленности является неактуальной.

Необходимо отметить, что способ сложения не характерен для словообразования местоимений

общенационального языка, является уникальным, характерным именно для изучаемого говора.

В целом словообразовательная специфика мотивированных местоименных слов в говоре казаков-некрасовцев Ставропольского края такова: преобладают префиксально-суффиксальный и префиксально-постфиксальный способы образования, присутствует постфиксальный, префиксальный способ образования, способ сложения слов, языковая игра.

Вся представленная производная местоименная лексика говора имеет в качестве производящих указательные местоимения или указательные местоименные наречия с частными значениями указания на пространство (чаще всего), время, образ действия и относятся к древнерусскому языку (той, тая), или к говору (фонетические варианты общенационального языка куды, кады, ента), или к общенациональному языку (как, так).

По основному, наиболее общему семантическому компоненту словообразовательного значения изучаемой местоименной лексики выделяются три вида значений: модификационные (преобладающие), относительные, соединительные.

Большая часть словообразовательных моделей говора казаков-некрасовцев не функционирует в русском литературном языке и является специфической реализацией деривационных возможностей, существующих в русском национальном языке. Специфические словообразовательные модели макрокласса «Местоименная слова» говора казаков-некрасовцев входят в типичные для общенационального языка способы словообразования, однако эти способы словообразования (или их виды) используются в других частных частеречных словообразовательных системах общенационального языка, а в рамках местоименной лексики не используются.

В составе словообразовательных местоименных моделей говора, характерных только для него, есть такие, которые относятся к классическим словообразовательным моделям, так как, являясь малопродуктивными (по ним образовано не одно местоимение), соответствуют признаку серийности:

1) модель формант у- + мест. + постфикс -то: утой-та-, утая-та;

2) модель формант о- + мест нар. + -о: о-куды-о, о-как-о;

3) модель формант ун- + мест. + удвоенный постфикс -то-то: ун-той-та-та, ун-тая-та-та.

Остальные специфические модели говора к моделям могут быть отнесены с натяжкой, так как не обладают признаком серийности (воспроизводимости):

а) модель формант о- + мест. нар.: окады;

б) модель чистого сложения слов: тая-ента.

В современном русском литературном языке система словообразования местоимений отсутствует, так как ее формирование относится к далекому прошлому русского языка. В Русской грамматике-80 даже нет раздела «Словообразование местоимений». В силу этого, даже сам факт существования местоименной словообразовательной системы в говоре казаков-некрасовцев демонстрирует творческий характер языковой деятельности его носителей.

В лингвокультурологическом аспекте в специфике семантики и структуры местоименной лексики говора мы видим стремление старообрядца к порядку (т.е., к системности форм и парадигм), а также ярко выраженную самостоятельность и творческую составляющую: возникновение 21 нового местоименного слова в давно устоявшемся и традиционном классе слов русского языка.

Литература

1. Большой толковый словарь донского качества. М.: Русские словари Астрель-Аст, 2003. 608 с.
2. Объяснительный словарь русского языка. М.: Астрель-Аст, 2002. 423 с.
3. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: «АзЪ», 1994. 907 с.
4. Русская разговорная речь. М.: Наука. 1983. 238 с.
5. Славянские древности. Этнолингвистический словарь под общей ред. Н.И.Толстого. Т.1-4. Т.4. М.: Международные отношения, 2012. 656 с.
6. Таранец С. Старообрядчество в Российской империи (конец XVII – начало XX века). Т.2. Киев: Институт истории Украины НАН Украины, 2013. 687 с.

References

1. Bol'shoi tolkovyi slovar' donsogo kachestva (*Large explanatory dictionary of don quality*). Moscow: Russian dictionaries Astrel-AST publ., 2003. 608 p.
2. Ob'yasnitel'nyi slovar' russkogo yazyka (*Explanatory dictionary of the Russian language*). Moscow: Astrel-AST, 2002. 423 p.
3. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Tolkovyi slovar' russkogo yazyka (*Explanatory dictionary of the Russian language*). Moscow: «AZ» publ., 1994. 907 p.
4. Russkaya razgovornaya rech' (*Russian colloquial speech*). Moscow: Nauka publ., 1983. 238 p.
5. Slavyanskije drevnosti. Etnolingvisticheski slovar' (*Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary*) / ed by N. I. Tolstoy). In 4 Vols. Vol.4. Moscow: International relations publ, 212. 656 p.
6. Taranets S. Staroobryadchestvo v Rossiiskoi imperii (konets XVII – nachalo XX veka) (*Starobryadchestvo in Rossiiskoi Imperia (konets XVII – nachalo XX veka)*). Vol.2. Kyiv: Institute of history of Ukraine, national Academy of Sciences of Ukraine publ., 2013. 687 p.

Сведения об авторе

Грязнова Виолетта Михайловна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета / violetta-sgy@mail.ru.

Information about the author

Gryaznova Violetta – Dr. of Philology, Professor, Russian language Department, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University / violetta-sgy@mail.ru